

Приложение № 4

«Чтобы изменить линейную экономику, нам нужно изменить искусство»: выставка «Эко. Техно. Арт»

Выставка «Эко. Техно. Арт», которая проходит в галерее «Краснохолмская» в Москве, посвящена тенденциям в искусстве, науке и технике, возникшим как реакция на экологические вызовы. Мы встретились с куратором галереи Алексеем Шульгиным (АШ) и создательницей одной из знаковых работ – мозаики «Кит» из переработанного пластика – Верой Чекуновой (ВЧ), чтобы поговорить о связи экологии, технологий и искусства в современном мире, а также о новой этике и главных трендах и вызовах современного экоарта.

Э: Алексей, как возникла идея выставки именно в таком сочетании: экология плюс технологии? Для многих сейчас экология – это скорее о сознательности, о построении «правильных», «гармоничных» отношений с природой.

АШ: На самом деле, изначально сама наша галерея должна была получить такое название. «Экология, технология, искусство» – это стало нашим слоганом. Пересечение этих трех доменов и есть фокус нашего интереса. Поэтому, эту выставку (вторую по счету в галерее, мы только открылись весной) можно рассматривать как программную. Собственно, начальным пунктом было написание нашего совместного с Яниной Пруденко, где мы разложили по полочкам взаимоотношения искусства и экологии и влияние искусства на экологию.

Э: То есть сочетание экологии и технологии – это своего рода ваша синергия как двух кураторов?

АШ: Можно сказать, и так. Потому что это все произошло в результате наших разговоров и обсуждений влияния искусства на экологию. Не только в виде производителя углеродного следа, но также и как общественного института, который двигает вперед капиталистическую *линейную экономику*. Отсюда, кстати, следует вывод, что линейная экономика – это путь в никуда. Потому что это производство вещей одноразовых и, в том числе, так называемого «быстрого искусства», то есть проектов, которые делаются под какую-то выставку – например, биеннале, а потом все разбирается и выбрасывается. Это практически проявление того же эксплуататорского подхода к природе и к ресурсам.

Линейная экономика – экономика, в которой процессы производства, потребления и завершения использования товара выстроены в одну логическую линию от начала к безвозвратному концу. Противоположность циклической экономики.

Чтобы изменить линейную экономику, нам нужно изменить искусство само по себе. И тут мы приходим к тому, что искусство должно не разрабатывать новые эстетики – оно должно разрабатывать *новую этику*. Оно должно вновь стать совершенно другим: как до этого на протяжении развития человечества искусство радикально менялось в связи с развитием социальной, политической и экономической ситуации. Так и сейчас мы переживаем момент, когда представление об искусстве очень сильно меняется и на этот раз в неожиданную сторону перехода от эстетики к этике.

Искусство должно не разрабатывать новые эстетики – оно должно разрабатывать новую этику

Э: По поводу перехода к этике. Возможно, вам знакома работа Фредерика Джеймисона «Археологии будущего», где он говорит об утопии и утопическом мышлении, в какой-то мере потерянных после модернистского этапа. Может, в связи с этим переходом к этике у нас вновь появляется пространство для утопии?

АШ: Мне кажется, пространство сейчас есть для всего. Мы не можем сразу взять и изменить всю систему искусства – это постепенный процесс. И мы должны использовать все инструменты, все идеи и все теории, которые нам в этом могут помочь. Сейчас очень много художников чувствуют себя потерянными в современной ситуации, просто потому что модернистская история закончилась, а они по-прежнему живут ее идеалами. Но эти идеалы уже сложно применять: ты можешь делать крутые, индивидуальные и провокационные проекты, но их ценность сейчас значительно ниже, чем была во времена модернизма и даже в середине прошлого века. Сейчас эпатировать буржуа не современно и не нужно, потому что другие задачи стоят. Раньше художник неосознанно выступал как агент капитализма, думая, что обретает свободу через свое искусство. Но на самом деле все это было спонсировано и поддержано капитализмом. Сейчас же осознание этого постепенно приходит, и художники начинают задумываться.

Э: Спасибо, Алексей. Давайте теперь сосредоточимся на работах, представленных на выставке. Может быть, вы что-то можете отметить в качестве основного тренда, который там можно увидеть?

АШ: Один из самых распространенных трендов – это использование переработанных материалов. Даже наша самая большая работа – гигантская мозаика *Веры Чекуновой* – сделана из мусора и из отжившего свое пластика. В том же «Собираторе» мы взяли несколько кубиков спрессованного вторсырья, которые выглядят как модернистские произведения из 60-ых и 70-ых годов прошлого века в стиле аккумуляция. Эта тема, которая сейчас популярна, ведь экологичный образ жизни во многом ассоциируется именно с сортировкой отходов и их переработкой. Есть и работы в более традиционном стиле. Например, видео-арт *Олега Семеновых*, который пытается ситечком фильтровать воду в реке. Мы видим, что это тщетно, и что один человек не сможет с этим справиться, и начинаем задумываться о том, что надо работать сообща.

Видео-арт Олега Семеновых. Фото: Галерея Краснохолмская

Именно об этом несколько наших проектов, которые находятся вне традиционного представления об искусстве и сделаны людьми, которые не называют себя художниками, но при этом бьют в точку. Это, например, проект горизонтального сообщества [«Дыши Москва»](#); который занимается созданием станций контроля качества воздуха и независимой от государств и корпораций системы мониторинга в городах. Чем этот проект важен? Художники часто предлагают проекты из области спекулятивного дизайна или гипотетические инструменты для того же активизма. Но, исходя из моего опыта, эти инструменты очень редко работают. Они могут звучать хорошо в теории, однако народ это не подхватывает. Все это остается в виде единичных прототипов в рамках художественных институций. А этот проект работает: сеть станций постоянно растет, в нее вовлечено большое количество людей. Это живая история, которая реально влияет на мир.

Э: Это еще раз подтверждает уникальность вашей выставки, в которой участвуют не только художники, но и, например, «Собиратор» и сети гражданского мониторинга. Как вы видите это взаимодействие между художниками и технологиями?

АШ: Здесь нельзя не упомянуть такое направление как *Art & Science*, или заявленное сотрудничество художников, ученых и инженеров. Но по факту получается, что художник – который мало понимает в технологиях и науке – просто черпает какое-то вдохновение и новую образность в мире инженерного дела, не предлагая ничего взамен. Художник, как правило, исходит из своих эгоистических художественных интенций и хочет просто «поюзать» ученого, чтобы создать привлекательное произведение искусства. Очень редко мы видим реальное взаимодействие того и другого, но художник в своем творчестве может визуализировать и популяризировать идеи ученых-разработчиков. Мы как художественная институция выставляем, например, машины для переработки пластика с информацией про них. А люди приходят, смотрят и, возможно, у них возникают идеи для дальнейших проектов.

Э: Вера, расскажите, как ваша мозаика оказалась на выставке?

ВЧ: В одном из телеграм-каналов был объявлен опен-колл, я просто подала заявку с одной из своих работ, и в итоге мне посчастливилось стать частью этого проекта.

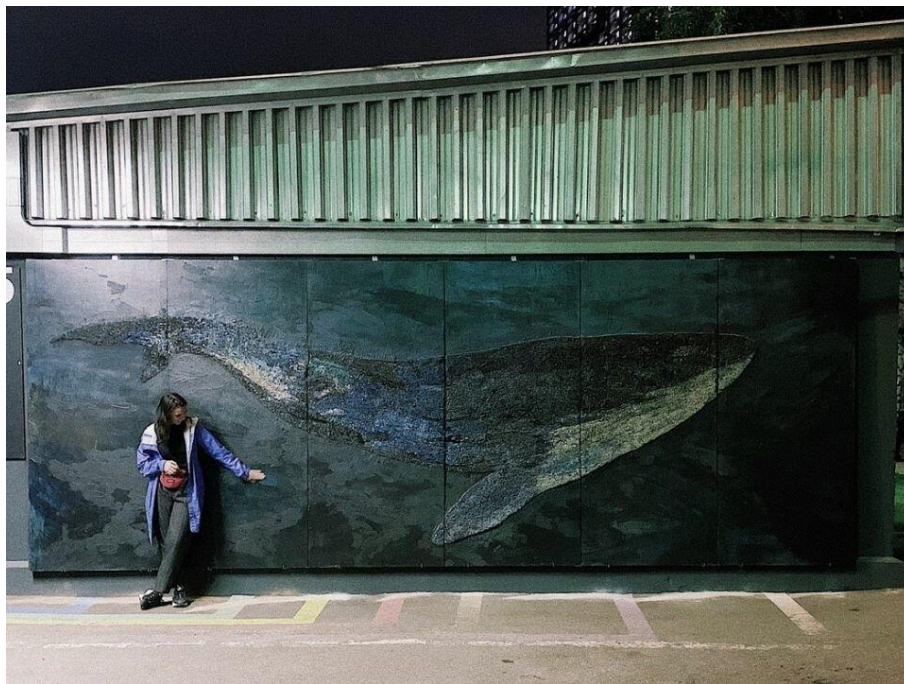

Фото из личного архива Веры Чекуновой

Э: До этого ваша работа выставлялась на Флаконе. Причем не в выставочном пространстве, а прямо на улице.

ВЧ: Да, дело в том, что изначально мозаика была сделана для интерьера, для другой выставки, отменённой из-за карантина. У этой работы был заданный маршрут, она должна была поехать в конкретный музей и перемещаться по заранее определённой дороге. Но то, что происходит с ней сейчас, мне нравится гораздо больше: из-за карантина мозаика осталась в Москве, и мы спонтанно повесили ее на Флаконе. Предполагалось, что она провисит там только одно лето: из-за материалов, используемых в мозаике, я боялась оставлять ее на улице, тем более в нашем климате. В то же время было очень интересно, как себя поведет пластик – будет ли он выцветать и деформироваться – и как работа будет чувствовать себя в городской среде, где люди будут постоянно с ней взаимодействовать. В итоге работа провисела на Флаконе целый год: это был огромный опыт, я постоянно вела заметки, как какой материал себя ведет. Получился хоть и рискованный, но очень нужный шаг.

Э: Взаимодействуете ли вы с учеными и техническими специалистами, чтобы создавать свое искусство?

ВЧ: Да, я сама занимаюсь переработкой и сотрудничаю с единомышленниками в этой области. Изначально это вообще был не мой профиль, я по образованию художник, но мне посчастливилось побывать на международной стажировке по переработке пластика, организованной *FabLab* МИСиС и Университетом Париж-Сакле в 2019 году. В целом, я не должна была туда попасть: это была программа для студентов-технологов, обладающих серьезными компетенциями, к тому же она велась на английском языке. Но мне повезло, благодаря неравнодушному отношению команды *FabLab*, меня взяли. И я погрузилась в абсолютно

новый мир. Первую неделю голова пухла от количества терминов и новых задач. Мы экспериментировали со свойствами пластика на оборудовании, собранном одним из студентов *FabLab* МИСиС. Именно там я сделала первые образцы, часть из которых использована в «Ките». Какое-то время после стажировки я оставалась работать в *FabLab*, потом удалось закупить необходимое оборудование, и теперь я работаю в своей мастерской.

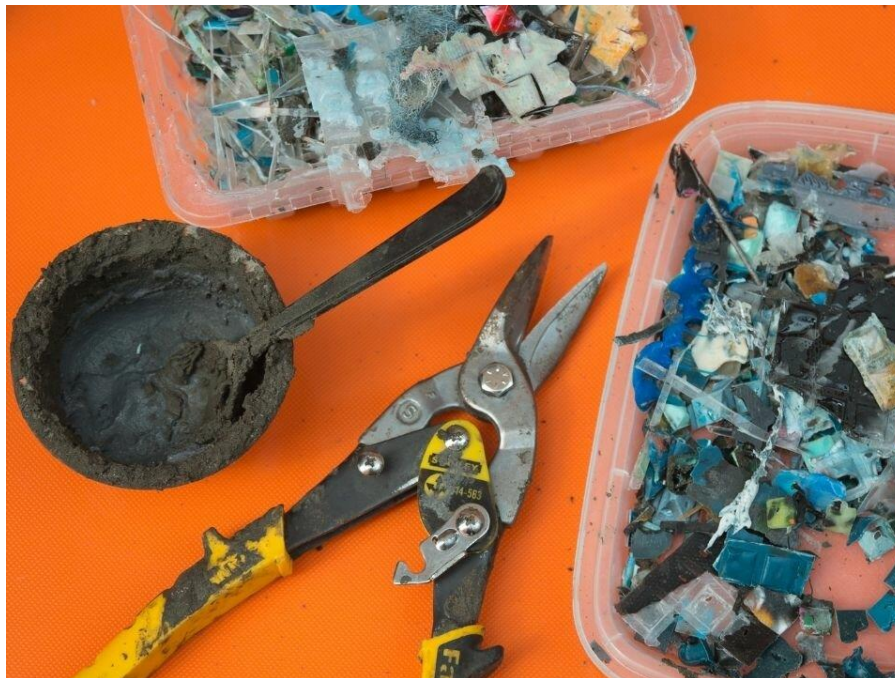

Фото из личного архива Веры Чекуновой

Э: Последнее время мы также наблюдаем тренд на сближение, слияние природы и технологий взамен предыдущему противопоставлению. Здесь можно отметить и бум биотеха, и появление концепции «природных решений». Алексей, что вы думаете об этой тенденции? И насколько она интересна современным художникам?

АШ: Конечно, интересна, художники работают в этом направлении. Но я вижу, что мы в своем стремлении защититься от природы ушли от нее слишком далеко. Настолько далеко, что природа начинает нам отвечать. И поэтому нам необходимо к ней вернуться и опять посмотреть, как она устроена, как она работает, чтобы черпать силы, не защищаясь от нее, а взаимодействуя с ней ненасильственным образом.

Э: Вера, в одном из видео, где вы рассказываете о своем «Ките», вы в том числе упоминаете, что с пластиком интересно работать, потому что это «вечный» материал. Подтвердился ли этот тезис о вечности после всех погодных испытаний?

ВЧ: Как ни странно, он выдержал их лучше, чем я предполагала. В этой мозаике используется много типов пластика, и они все ведут себя по-разному. Если это мягкий пластик – полиэтилен или полипропилен – то он, конечно, слегка деформируется, но скорее от механических повреждений. На Флаконе часто подходили люди, кто-то старался отковырять и забрать с собой частичку «Кита», что меня очень радовало: именно так для меня выглядит интеграция в городскую

среду. Что касается природного воздействия, то сам материал не деформировался, скорее пострадала фанерная основа, и к выставке «Эко. Техно. Арт» мозаику нужно было реставрировать. И я столкнулась с тем, что изначальная концепция моей работы не выдерживает критики с точки зрения экологической повестки.

Пластиковые детали мозаики. Фото из личного архива Веры Чекуновой

Искусство зачастую слишком сильно увлекается романтической идеей о том, что мы спасаем планету, забывая о «суровой правде» переработки, о том, что иногда она просто оказывается нецелесообразной. В моем случае это было именно так. Я брала вторичный пластик, я тратила воду, электроэнергию – и, если пересчитать все те усилия и ресурсы, которые уходили на изготовление парочки деталей, это абсолютно нецелесообразно. Более того, для меня любой экологический продукт очень тесно связан с идеей о том, что он и дальше может быть переработан. То есть делать какой-то композитный материал, например, вплавленные в раствор кусочки мозаики, чтобы потом ни один переработчик его не принял, – это изначально не экологично. Это стало для меня большим разочарованием. Сейчас я нашла решение, чтобы пластиковая мозаика или витраж могли пойти на переработку.

Искусство зачастую слишком сильно увлекается романтической идеей о том, что мы спасаем планету, забывая о «суровой правде» переработки

Э: Это интересно, потому что тут есть некоторое противоречие с популярной установкой на то, что искусство должно быть «вечным» – как в материальном плане, так и в культурном, то есть долго сохранять свое влияние. Насколько вообще для объектов искусства важна возможность переработки?

ВЧ: Конечно, есть работы, которые хочется оставить. Но я думаю, что сейчас монументальное искусство переживает некоторый кризис. Изготовление мозаики – это очень длительный и кропотливый процесс. Будучи наследниками прекрасных образцов религиозной мозаики и советского монументализма, сегодня мы сталкиваемся с тем, что нас нередко просят создавать мозаики в легкие архитектурные конструкции. Это могут быть каркасные строения, которые будут разобраны через год. Взять даже стену на Флаконе, на которой висел «Кит»: в ней уже прорублены окна, там уже абсолютно другой ландшафт. Адаптируясь под современный темп, монументальные работы должны предполагать возможность демонтажа. Хочется, чтобы монументальный язык сохранился, но при этом стал гибким. С одной стороны, это предполагает модульность, когда работу можно быстро разобрать и встроить в другой контекст, а с другой – возможность переработки. Это своего рода компромисс, сохраняющий пространство для монументального высказывания в современном темпе.

Фото из личного архива Веры Чекуновой

Э: А технологически как вы добились того, чтобы ваши мозаики можно было переработать?

ВЧ: Я практически два года провела в лаборатории над тестами, чтобы найти решение. Технология основана на разнице температур плавления типов пластика, на отказе от соединительного раствора и на использовании металлической основы. После демонтажа остаётся каркас и пластик, готовый к дальнейшему использованию.

Э: Алексей, если мы говорим о новой этике, то каким образом новые художественные практики могут способствовать ее развитию?

АШ: Если есть этичная еда и этичная одежда, то это же понятие можно применить и к созданию произведения искусства. Во-первых, художник может рефлексировать на тему того, насколько этично его творение, и прилагать усилия, чтобы сократить его углеродный след и информировать об этом. Поэтому в ряде работ на выставке мы приводим сопроводительную информацию: это видеозаписи, текст или аудиогид, где художники рассказывают об этой стороне своего творчества, о закулисной его части. Во-вторых, есть ряд работ, которые просто заявляют эту тему. Например, у нас есть пара калькуляторов углеродного следа для произведения искусства – то есть каждый художник может замерить, сколько он выделил CO₂ при создании своей работы и тоже задуматься. Конечно, большинство художников до сих пор живут в старой парадигме «самовыражение любой ценой» и считают, что они должны быть максимально свободными, и этого достаточно. Но я думаю, капля камень точит, и постепенно их образ мысли меняется.

При этом тема про этику творчества довольно новая: выставки на экологическую тематику, конечно, проходят, но зачастую они остаются гринвошингом. Тема заявляется, но вместо рефлексии мы видим очередные красивые проекты с деревьями или животными – и все это называется экоискусство. Такие выставки

только дискредитируют эту идею. Они приучают зрителя к тому, что экоискусство – это лишь стиль такой, а не что-то принципиально новое.

Фото: Галерея Краснохолмская

Э: Наверное, одним из самых известных примеров рефлексии искусства над технологиями стал киберпанк – дистопичное видение будущего, из мрачного предупреждения ставшее сначала нашей реальностью, а потом и объектом ностальгии и переосмысления. Какое будущее вы видите для современных работ, посвященных технологиям и экологии? Если сейчас что-то в современном искусстве, способное оставить столь же значительный культурный след?

АШ: Я думаю, нет, потому что киберпанк – это чисто про эстетику. Он ничего не решает и не предлагает никаких решений, он просто генерирует деньги. А современное по-настоящему экологичное и экологическое искусство, как я уже сказал, не про эстетику – оно про этику. А значит, оно существует в разных формах, и какого-то единого стиля мы не увидим.

Э: Это интересный момент, потому как киберпанк возникал как критика общества, в котором он был произведен, и в итоге оказался апроприирован.

АШ: Любой авангард возникает как критика капиталистического общества только затем, чтобы быть апроприированным и способствовать дальнейшим продажам – это суть капиталистического общества. Каждый новый авангард возникает как очередной шаг к новой степени свободы: он отрицает нормы и догмы, это шаг вперед. Поначалу он встречает сопротивление косного общества, но постепенно эмансипирует умы обывателей. И дальше уже можно предлагать новые продукты, которые соответствуют измененному сознанию обывателя.

У меня есть свое определение произведения искусства – это общественно значимое высказывание, сделанное с помощью эстетических средств. Эстетические средства никто не отменял, и для того, чтобы достучаться до людей и до общества – все средства хороши. В том числе и самая разудалая киберпанк эстетика – почему нет?

Искусство – общественно значимое высказывание, сделанное с помощью эстетических средств.

Афиша выставки «Эко. Техно. Арт». Фото: Галерея Краснохолмская

Э: Вера, ваша мозаика – это огромное пластиковое изображение кита. Именно киты и другие водные млекопитающие больше всего страдают от пластикового загрязнения океанов. Была ли в работу изначально заложена эта дихотомия?

ВЧ: Одним из главных импульсов к созданию работы стало понимание и желание изменить тот факт, что часто все высказывания, связанные с экологической повесткой, представлены в виде негативного послания. То есть если у нас есть задача сподвигнуть человека разделять мусор, то обязательно должны быть какие-то задушенные пакетами чайки, черепахи, которые проглотили пластиковые трубочки, и всё в таком духе. Я не думаю, что это верный подход. Те люди, которые посвящают часть своего времени экологической повестке, и так делают огромную работу. У нас пока это не так-то просто: помыть упаковку, сложить ее, копить у себя дома, знать куда отвезти... Хочется, чтобы эти люди не сталкивались с постоянным негативным потоком информации о том, что пластиковая проблема больше, чем все человечество и что их маленькие шаги ничего не решают. То, что люди, несмотря на огромное количество других задач, этим занимаются, вызывает у меня огромное уважение.

Изначально я хотела сместить фокус на то, что пластик – это не всегда абсолютное зло. Когда я стала рассматривать его, как материал, я увидела в использованных одноразовых предметах не мусор, а возможные будущие переработанные детали для своих работ. Я думаю, что представление о пластике как о материале, который можно сдать на переработку для создания чего-то прекрасного – это более действенная и бережная идея.

Виктория Мызникова